

ПОЛЬСКАЯ КНИГА НАКАНУНЕ ВОССТАНОВЛЕНИЯ НЕЗАВИСИМОСТИ ГОСУДАРСТВА (1918 г.): ПОЛИТИЧЕСКИЕ, КУЛЬТУРНЫЕ И ЮРИДИЧЕСКИЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА

BOŻENA KOREDZUK

Uniwersytet Wrocławski, Instytut Informacji Naukowej i Bibliotekoznawstwa
Pl. Uniwersytecki 9/13, 50-137 Wrocław, Polska
E-mail: bozena.koredczuk@ibi.uni.wroc.pl

В XIX – начале XX века книги и журналы сыграли большую роль в формировании и укреплении национальных связей между поляками, проживавшими на территориях, аннексированных Россией, Пруссией и Австрией. Процессы, в которых участвовала книга (публикование, собирание, обработка и читательское восприятие), а также осуществлявшие эту деятельность институты (издательства, книжные магазины, библиотеки) были тесно связаны с другими сферами общественной жизни: политикой, правом и экономикой. На формирование издательской политики оказывала влияние цензура, которая была формой официального контроля над печатными изданиями. Попытки восстановить государственную независимость в 1830, 1863 и 1905 гг. способствовали ужесточению законодательства, ограничивавшего печатание польских текстов в области науки и культуры в целом, что вызвало резкое сокращение количества издаваемых книг и увеличение числа нелегальных публикаций. В XIX в. заметно стремление к собирательству книг и других памятников национальной культуры, благодаря чему создавались частные библиотеки, изобиловавшие ценными рукописями, инкунабулами, картографией. Самые большие из этих коллекций объединялись, а затем сдавались в публичное пользование. В 1918 году, на пороге восстановления государственной независимости, получили дальнейшее развитие многие инициативы, связанные с книжным делом и начатые ещё во времена аннексии.

Ключевые слова: польская книга история Польши в XIX веке, политика, библиотеки, картография.

Попытка охарактеризовать польскую книгу XIX века – очень трудная задача, даже если анализу подвергнуть только последнюю четверть века до получения независимости в 1918 году. Невозможно обсуждать роль и значение книги в обществе в этот период, не рассмотрев исторические, политические и культурные обстоятельства, имевшие место в XIX веке. Это не единственная причина, осложняющая анализ ситуации. Представляя положение польской книги, необходимо иметь в виду два аспекта, которые играли решающую роль в исследованиях этого периода: теоретический и исторический. Во-первых, исследования польской книги периода аннексии проходили чаще всего на задворках политической и экономической истории [14] как довод к исследованиям в сфере разных дисциплин, обобщавших историческую, политическую, юридическую, культурную и библиологическую проблематику. Только сравнительные исследования могут помочь ответить на вопрос, как складывалась ситуация с польской книгой и какое к ней было отношение на аннексированных территориях. В библиологических исследованиях, посвященных этому периоду, вначале были стремления уловить специфические особенности каждой из аннексированных территорий как отдельных государственных организмов. Только во второй половине XX века появилась возможность обобщить данные конкретных исследований, что позволило рассмотреть явления, из которых складывалась культура книги, в более широком контексте. Узкий региональный

подход к истории польской книги периода аннексии сменили обобщающего характера исследования, в которых было заметно стремление осуществить национальный синтез, связующими элементами которого стали польский язык и общая территория, населённая поляками независимо от гражданства [22].

Деятнадцатый век – это особенный период в истории Польши, поэтому сменявшие друг друга исторические события порождали все новые факты, связанные с книгой. Потеря независимости в результате трёх разделов, имевших место в 1772, 1793 и 1795 гг., в конечном итоге стала причиной того, что страна более ста лет была разделена между тремя захватническими государствами – Россией, Австрией и Пруссией. Наиболее важные для поляков интеллектуальные центры – Варшава, Вильно, Познань, Краков и Львов – оказались на территории разных государств. Ужесточение или, наоборот, либерализация политики захватчиков по отношению к польской культуре и науке оказывали непосредственное влияние на падение или, наоборот, процветание городов и университетских центров [21]. В зависимости от политического положения на отдельных аннексированных территориях и отношения властей к полякам в разное время эти города, как указывает Магдалена Мициньска (Magdalena Micińska), становились центрами научной и культурной мысли, распространявшейся по всей территории или значительной части некогда единой Польши; именно здесь происходил

технологический прогресс в области книгопечатания. Парадоксальным, однако, можно назвать то обстоятельство, что падение Речи Посполитой способствовало установлению контактов как с западной культурой – через Австрию и Пруссию, так и с восточной – через Россию.

Следует признать, что принудительная ситуация, в которой оказались поляки, имела не только отрицательные, но и положительные последствия. Катастрофа, постигшая независимое государство, стала большим испытанием для прогрессивных граждан, на которых была возложена обязанность вновь обрести независимость. Для этого, однако, им надо было прежде всего попытаться удержать и развить национальную культуру, науку и искусство, что шло вразрез с политикой захватнических властей [8, 5]. В обсуждаемый период наибольшее общественное воздействие оказывало печатное слово – книга и пресса, которые были основным связующим звеном между соотечественниками, оказавшимися на аннексированных землях [19, 16].

Однако, как уже отмечалось, процессы, в которых участвовала книга, то есть издательская деятельность, соби́рание и распространение книг, а также учреждения, связанные с книгой, то есть издательства, типографии, книжные магазины, библиотеки – все это находилось в тесной связи с другими сферами общественной жизни, прежде всего с политикой, экономикой и правом. Поэтому положение польской книги в канун возвращения независимости лучше всего можно понять, как показыва-

ет и заглавие данной статьи, анализируя культурные, политические и правовые обстоятельства. Все три области тесно переплетены между собой, зависимы друг от друга, поэтому, учитывая специфику периода аннексии, одинаково важны для получения объективных результатов научного исследования.

Издание и популяризация книг в XIX веке напрямую зависели от действий политических цензоров, пытавшихся обуздать порывы к обретению независимости. Влияние общественно-политических событий на положение книги наиболее четко давало о себе знать в колебаниях числа издаваемых книг. Согласно подсчетам Марии Чарновской (Maria Czarnowska), данные о которых опубликованы в работе *Количественное развитие польского издательского дела 1501–1965* [6], наименьшее количество книг в период аннексии издано в годы усиления национального движения, а именно: в 1798, 1866, 1915. Плодотворными в этом отношении оказались 1862, 1907, 1913 годы [6]. Анализируя вышеуказанную ситуацию, следует заметить, что падение числа издаваемых книг в начале XIX столетия связано с разделами Речи Посполитой [6]. Аналогично складывалось положение книги в более поздние годы XIX века. Если после Ноябрьского восстания 1830 года число издаваемых книг удерживалось на таком же уровне, как и до восстания, и составляло около 500 названий ежегодно и даже незначительно возросло, то уже в середине века, после Январского восстания 1864 года, издательская деятельность

начала систематически идти на убыль по сравнению с более ранним периодом. Так, в 1863 г. появились 1634 издания, в то время как в 1866 г. – только 953. Подобным образом складывалась ситуация накануне обретения независимости. Как установил Мечислав Руликowski (Mieczysław Rulikowski) [24,], больше всего книг опубликовано в начале XX века, в 1909–1911 годы – чуть больше 3 тысяч изданий ежегодно [24]; в более поздние годы заметно падение числа изданий, дошедшее в канун возвращения независимости до 2 тысяч приблизительно [6]. Для сравнения укажем, что в двадцатые годы XX века в среднем издавалось уже 5500 названий ежегодно. Взаимосвязи политики и книги заметны в способах вмешательства властей в издательскую политику. Правительства захватнических государств чаще всего через цензуру тормозили издание неугодных текстов (литературных, научных, религиозных, политических и т. п.). Вводились настолько строгие правовые ограничения, что они чаще запрещали, нежели разрешали публиковать печатные издания. Бесспорным также является факт, что народные восстания влияли на ужесточение захватчиками законодательства, препятствовавшего печатанию текстов польских авторов, что влекло за собой отмеченное выше падение числа издаваемых книг.

Наиболее суровая цензура была на аннексированных Россией территориях*,

* Интересные работы на эту тему ведёт коллектив Института Книги и Чтения Национальной Библиотеки в Варшаве – см. др.:

где находились два динамично развивавшихся научных и культурных центра: Вильно – город, хранивший многовековые университетские традиции, прерванные в 1831 году закрытием университета в результате репрессий, разразившихся после восстания, а также Варшава – столица Царства Польского, очаг бурно развивавшейся университетской деятельности, сосредоточенной в Варшавском университете, открытом в 1816 и действовавшем с перерывами на протяжении всего периода аннексии. Эти города были одновременно самыми большими центрами печатания и перцепции польской книги. Столетнюю историю правительственной цензуры, осуществлявшейся российскими властями, Францишка Рамотовска (Franciszka Ramotowska) предлагает «разделить на несколько временных отрезков, отличающихся политической обусловленностью, организацией процесса контроля и его последствиями: конституционное время

Piśmiennictwo – systemy kontroli – obiegi alternatywne, red. Janusz Kostecki, Alina Brodzka. T. 1–2, Warszawa, 1992; SZRETER, Piotr. *Import wydawnictw zakordonowanych w latach 1897–1914 w świetle danych cenzury rosyjskiej*. In *Instytucje – publiczność – sytuacje lektury: studia z historii czytelnictwa*. Red. Janusz Kostecki. Warszawa, 1991, s. 212–246; KOSTECKI, Janusz; ROWICKA, Małgorzata. *Granice wolności słowa w zaborze rosyjskim w latach 1865–1904: wykaz publikacji polskojęzycznych zakwestionowanych oraz dopuszczonych do obiegu przez carską cenzurę zagraniczną*. T. 1: 1865–1889; T. 2: 1890–1904; T. 3: Indeksy. Warszawa, 2006. 543 + 534 + 337 s.

Царства Польского, сутки Паскевича, годы Январского восстания и дифференцированный период унификации административных систем Царства Польского и России до 1915 года» [23, 17]. Больше всего нас интересуют два последних периода, начиная с 1863 года, когда была введена цензура и особенно строгому контролю подвергалась деятельность типографий, литографии, металлографии, книжных магазинов и др. сфер книжного дела. Кроме правительственных законов, регламентировавших контроль печатных изданий, Главным управлением по делам печатных изданий принимались и дополнительные инструкции. Однако уже в начале XX века в результате политических преобразований эта ситуация начала меняться. Об этом лучше всего свидетельствует объявленный в 1904 году царский декрет о цензуре и дополнение к нему 1905 года, которые так и не были задействованы, так как царь под нажимом революционных событий 1905 года был вынужден подписать отменявший превентивную цензуру манифест о свободе слова, общественные свободы и неприкосновенность личности.

Значительно быстрее, чем в Царстве Польском, на территориях, аннексированных Пруссией, закон, изданный в 1851 г., и на территориях, аннексированных Австрией, закон 1848 года с позднейшими изменениями отменяли превентивную цензуру, которая была заменена системой репрессий. Однако эта ситуация не мешала правительствам захватнических государств издавать разные другие законы о печати,

которые под видом либеральных ограничивали свободу печати. Дифференцированные на отдельных аннексированных землях положения о цензуре препятствовали появлению печатных текстов и распространению литературы между разрозненными землями бывшей Польши, принадлежавшей разным государствам [28]. Поэтому издатели старались публиковать литературу из разных отраслей, подбирали издательский репертуар, ориентируясь на точку зрения читателя, начиная с самых простых популярных художественных текстов, адресованных народу, то есть нетребовательному читателю, и кончая многотомными научными и литературными произведениями. Книги были призваны выполнять определённые общественные функции. Больше всего публиковалось книг по беллетристике, главным образом отечественных авторов на исторические темы, в литературной форме рассказывавших об истории страны. Возрос спрос на литературу для народа, малообразованного потребителя, которого интересовали легкие для восприятия книги и журналы [7, 11]. Охотно раскупались брошюры религиозной тематики, кроме распространения католической веры способствовавшие укреплению национального духа, подчеркивавшие связь с западной культурой, что было особенно актуально на территориях, захваченных Россией. Издатели обратили внимание и на потребности не замечавшихся ранее читателей — главным образом детей и молодежи. Детская и молодежная литература в XIX веке сначала выходила

небольшими тиражами, но в начале XX века, перед первой мировой войной, этот процесс стал набирать обороты [20].

В обсуждаемый период издатели, несмотря на служебные препятствия, старались предоставить читателю полную книгоиздательскую оферту. Многотомные исторические и юридические материалы, опиравшиеся на документальные источники, носили идейный, патриотический характер, например: в 1859–1860 гг. в Петербурге появилось второе издание 8 томов *Volumina legum* – свода законов, принимавшихся в Сейме. Издание подготовил Юзефат Огрызко (Jozefat Ohryzko), а в 1889 году в Кракове подготовлено и опубликован 9 том этого труда [27, 1]. В этом труде была помещена конституция 1782, 1784, 1786 гг., в нем также содержались документы, свидетельствовавшие о достижениях Сейма на протяжении его четырехлетней работы – с 1788 по 1792. В публикациях впервые были упомянуты появившиеся во II второй половине XIX века научные учреждения, научные общества, во главе с основанной в 1872 году Академией наук в Кракове, по инициативе которой появился 9 том *Volumina legum* [27]. Эти труды были документальным свидетельством проводившихся научных исследований, источником обмена научной мыслью как между захваченными территориями, так и с заграницей.

На польских землях, чаще всего в конспирации, также издавалась запрещенная литература, особенно строго преследуемая цензурой. Тексты, не допущенные к печати

в стране, публиковались за границей, в центрах, сплотивавших польскую эмиграцию, главным образом во Франции, Швейцарии и Бельгии, а со II половины XIX века – в Англии и Соединённых Штатах. Затем эти нелегальные издания разными путями переправлялись в страну; их предназначением было распространять идеи независимости, пробуждать патриотические чувства, оживлять подпольную политическую и литературную жизнь; в них рассказывалось о захватнической политике, направленной против поляков [13]. Польская эмиграция работала очень оперативно, у нее были собственные издательства и книжные магазины, она печатала как тексты авторов, запрещённых в стране, так и тех, которые находились в эмиграции. Как следует из научных изысканий Здзишлава Шелёнга (Zdzisław Szelaḡ), польская эмиграция вне страны основала около 90 научных, просветительских, религиозных и др. культурных учреждений, издавала около 120 журналов, а также напечатала свыше 2700 текстов. Эти данные зарегистрированы Каролом Эстрайхером (Karol Estreicher), который отметил также, что тексты печатались в десяти странах, в ста книжных издательствах, в том числе – 55-ти французских [26]. Книги и журналы, изданные в эмиграции или опубликованные на родине, позволяли поддерживать научные и литературные контакты между соотечественниками, находившимися в эмиграции или оставшимися на родине.

Одной из самых больших культурных утрат, вызванных потерей независимости,

был вывоз в 1795 году из Варшавы в Петербург Библиотеки Залуских (Biblioteka Załuskich) – первой польской национальной библиотеки. В течение всего XIX века предпринимались многократные попытки вернуть эти знаменитые собрания, но все это заканчивалось неудачей. Часть собрания удалось получить лишь после восстановления независимости. Утрата национальной библиотеки вызвала библиофильское движение патриотического характера. Благодаря этому появилось много частных библиотек, главным образом принадлежавших помещикам. Самые большие и самые ценные коллекции были переданы в публичное пользование, средства на их деятельность поступали из специально созданных фондов. К наиболее крупным библиотекам, возникшим в XIX веке и хранившим культурное наследие поляков, относятся: книжные собрания Красинских (Biblioteka Ordynacji Krasin'skich) и Замойских (Biblioteka Ordynacji Zamoyskich) в Варшаве, Дзялыньских (Działyńskich) в Курнике, Рачиньских (Raczyńskich) в Познани, Пшездзецких (Biblioteka Ordynacji Przędzieckich) в Черном Острове на Подолье и Чарторыских (Czartoryskich) в Кракове. Были и две фондовых библиотеки в городе Львове: Оссолинских (Biblioteka Zakładu Narodowego im. Ossolińskich) и Баворовских (Baworowskich) [3].

Демократизация общественной жизни, набиравшая силу на рубеже XIX и XX вв., оказала влияние на развитие просвещения. Увеличилась потребность в дешёвой и популярной книге, предназначенной

для низших общественных слоёв. Разные организации и общества стали открывать бесплатные библиотеки, доступные для широкого круга читателей. В небольших местностях и деревнях особенно активно работали просветительные общества – Народное просветительное общество (Towarzystwo Oświaty Ludowej), Общество народных читален (Towarzystwo Czytelń Ludowych) и Общество народной школы (Towarzystwo Szkoły Ludowej). В Варшаве в 1861 году было основано Варшавское общество благотворительности (Warszawskie Towarzystwo Dobroczynności) и, чтобы восполнить нехватку публичных библиотек в городе, при нём была открыта Секция бесплатных читален (Sekcja Czytelń Bezpłatnych), которая в начале XX века управляла 23 филиалами. Многие из этих организаций действовали на грани закона, проводя параллельно запрещённую захватническими властями работу, такую, как обучение польскому языку или распространение запрещённой литературы. В 1907 году группа людей, сплочённых вокруг Научной читальни (Czytelni Naukowej), основанной в 1890 году, открыла Публичную библиотеку столичного города Варшавы (Biblioteka Publiczna miasta stołecznego Warszawy).

В XIX веке началась история регистрации польской издательской продукции, в это время появились общие списки изданий польской словесности, которые составили: Феликс Бентковский (Feliks Bentkowski) [2], Адам Йохер (Adam Jocher) [12] и Вацлав Александер Мацейовский

(Wacław Aleksander Maciejowski) [18] – это только самые известные фамилии. Однако высшим достижением польской национальной библиографии был монументальный труд Кароля Эстрайхера (Karol Estreicher. *Bibliografia polska*) [9], охватывающий польскую словесность с начала печатного дела до конца XIX века. Эта библиография была продолжена потомками Эстрайхера, сыном Станиславом и внуком Каролом [15]. Следует также отметить библиографические труды специального характера, которые в течение многих лет сохранили свою полезность. Это – библиография математической и физической литературы Теофила Жебровского (Teofil Żebrowski) [29], библиография по истории Людвика Финкля (Ludwik Finkel) [10] или юридическая библиография Адольфа Сулиговского (Adolf Suligowski) [25, 4]. К концу XIX века восходит составление текущей национальной библиографии. В 1878 году Владыслав Вислоцкий (Władysław Wisłocki) начинает издавать ежемесячник “Przewodnik Bibliograficzny”, который с небольшими перерывами выходил до 1933 года. Эти широкомасштабные инициативы по регистрации польских печатных книг были вызваны желанием показать величие и интеллектуальные достижения поляков, их вклад в развитие европейской культуры.

В заключение следует заметить, что утрата государственной независимости с самого начала связывалась с особой ролью национальной книги, которая способствовала сохранению общественного единства. Польские издатели стремились публиковать, по мере возможностей, все категории изданий. Главные издательские центры находились в больших городах – в Варшаве, Кракове, Львове, Вильно и Познани, что, однако, не препятствовало развитию небольших издательств и книжных магазинов в провинциальных городах, таких, как Броды, Луцк, Калиш, Грудзендз и многих других. Люди, занимавшиеся книжным делом, стремились к сплочению польского населения в пределах трёх аннексированных земель и поддержанию связей с эмиграцией, что позволило установить контакт с западной культурой. Однако потеря независимого государства и подчинение воле чужих правительств были тормозом на пути к прогрессу во многих сферах общественной, экономической и хозяйственной жизни, а слабое развитие промышленности вызвало также технологическую отсталость в книгоиздательстве. Несмотря на эти трудности, предпринимались попытки развивать книжное дело, а многие начатые в годы притеснения инициативы получили дальнейшее развитие и после приобретения независимости в 1918 году.

ССЫЛКИ

1. BARDACH, Juliusz. *Historia państwa i prawa Polski*. Vol. 1: Do połowy XV wieku. Wyd. 2, popr. i uzupełn. Warszawa, 1964, s. 22, 26.
2. BENTKOWSKI, Feliks. *Historia literatury polskiej wystawiona w spisie dzieł drukiem ogłoszonych*. Vol. 1–2. Warszawa; Wilno, 1814.
3. Biblioteki fundacyjne. In *Encyklopedia wiedzy o książce*. Wrocław, 1971, s. 218–219; MEŻYŃSKI, Andrzej. Wielkoziemiańskie biblioteki publiczne w Polsce w latach 1772–1918. *Roczniki Biblioteczne*, 2002, R. 46, s. 211–242.
4. BIENKOWSKA, Barbara. *Książka na przestrzeni dziejów*. Warszawa, 2005, s. 206.
5. CABAJ, Jarosław. “Walczyć nauką za sprawę Ojczyzny”: zjazdy ponadzaborowe polskich środowisk narodowych i zawodowych jako czynnik integracji narodowej (1869–1914). Siedlce, 2007.
6. CZARNOWSKA, Maria. *Ilościowy rozwój polskiego ruchu wydawniczego 1501–1965: dane szczegółowe o książkach 1929–1938 i 1951–1960 oraz o czasopiśmie 1933–1937 i 1956–1960*. Warszawa, 1967, s. 56. (Biblioteka Narodowa. Prace Instytutu Bibliograficznego. Nr. 6).
7. DUNIN, Janusz. *Papierowy bandyta: książka kramarska i brukowa w Polsce*. Łódź, 1974.
8. DYBIEC, Julian. *Nie tylko szabłą: nauka i kultura polska w walce o utrzymanie tożsamości narodowej 1795–1918*. Kraków, 2004.
9. ESTREICHER, Karol. *Bibliografia polska*. Vol. 1–22. Kraków, 1872–1908.
10. FINKEL, Ludwik. *Bibliografia historii polskiej*. Lwów, 1891–1906.
11. GZELLA, Grażyna. *“Pisma dla ludu” pod zaborami w pierwszej połowie XIX wieku*. Toruń, 1994.
12. JOCHER, Adam. *Obraz bibliograficzno-historyczny literatury i nauk w Polsce od wprowadzenia w niej druku po roku 1830*. Vol. 1–3. Wilno, 1840–1857.
13. KŁOSSOWSKI, Andrzej. *Historia książki polskiej za granicą. Problemy badawcze*. Warszawa, 1980, s. 8–9.
14. KOCÓJOWA, Maria. Nowe oferty dla badań dziejów polskiej książki w okresie zaborów. In *Książka polska w okresie zaborów: wybrane problemy metodologii i dydaktyki bibliologii, bibliotekoznawstwa i informatologii*. Kraków, 1991, s. 15–16.
15. KORPAŁA, Józef. *Karol Estreicher (st.) twórca “Bibliografii polskiej”*. Wrocław, 1980, s. 155–217.
16. KOSTECKI, Janusz. Dziewiętnastowieczne piśmiennictwo polskie w ocenie środowisk opiniotwórczych końca ubiegłego stulecia. In *Książka pokolenia: w kręgu lektur polskich doby postyczińskiej*. Białystok 1994, s. 186–199.
17. KWIATKOWSKA, Magdalena. Wpływ cenzury rosyjskiej na rozwój naukowego ruchu wydawniczego w Królestwie Polskim w drugiej połowie XIX i na początku XX wieku. In *Historia i współczesność w badaniach bibliologicznych*. Pod red. Jadwigi Koniecznej. Łódź, 2007, s. 21–0.
18. MACIEJOWSKI, Wacław Aleksander. *Piśmiennictwo polskie od czasów najdawniejszych aż do roku 1830*. Vol. 1–3. Warszawa, 1851–1852.
19. MAJKOWSKA-ALEKSIEWICZ, Anna. *Rola książki w kształtowaniu więzi międzyczaborowej w pierwszej połowie XIX wieku*. Wrocław, 1995. s. 75–89. (Acta Universitatis Wratislaviensis. No 1726. Bibliotekoznawstwo 19).
20. MALECZYŃSKA, Kazimiera. *Książki i biblioteki w Polsce okresu zaborów*. Wrocław, 1987, s. 20–21.

21. MICIŃSKA, Magdalena. Dzieje inteligencji polskiej do odzyskania niepodległości w 1918. In *Inteligencja w Polsce: specjaliści, twórcy, klerkowie, klasa średnia?* Pod red. Henryka Domańskiego. Warszawa, 2008, s. 44.

22. MIGOŃ, Krzysztof. Kultura książki: program dla bibliologii i potrzeba dla studiów bibliotekoznawczych. In *Nauka o książce, bibliotece i informacji we współczesnym świecie*. Warszawa, 2003, s. 18–19.

23. RAMOTOWSKA, Franciszka. Sto lat “cenzury rządowej” pod zaborem rosyjskim (1815-1915) – podstawy normatywne, instrumenty wykonawcze. In *Piśmiennictwo – systemy kontroli – obiegi alternatywne*. Pod red. Janusza Kosteckiego i Aliny Brodzkiej. Vol. 1. Warszawa, 1992, s. 122.

24. RULIKOWSKI, Mieczysław. *Produkcja wydawnicza polska w latach 1909–1911: materiały statystyczno-bibliograficzne*. Warszawa, 1913, s. 7–13.

25. SULIGOWSKI, Adolf. *Bibliografia prawnicza polska XIX i XX wieku*. Warszawa, 1911.

26. SZELAĞ, Zdzisław. *Literatura zabroniona 1832–1862: zjawisko – rynek – rozpowszechnianie*. Kielce, 1989, s. 27.

27. *Volumina legum*. Vol. 1–8. Warszawa, 1732–1782.

28. *Z dziejów udostępniania książki polskiej w okresie zaborów: studia i materiały*. Pod red. Kazimiery Małczyńskiej. Wrocław, 1985.

29. ŻEBROWSKI, Teofil. *Bibliografia piśmiennictwa polskiego z działu matematyki i fizyki oraz ich zastosowań*. Kraków, 1873.

POLISH BOOK AT THE EVE OF THE RESTORATION OF INDEPENDENCE IN 1918: POLITICAL, CULTURAL AND LEGAL CONDITIONS

BOŻENA KOREDZUK

Abstract

In the 19th and early 20th centuries, in the territories of Poland annexed by three partitioners, books and periodicals printed in Polish played an important role in shaping and maintaining national ties among Poles living under Russian, Prussian and Austrian rules.

In the period of the Partitions of Poland, all processes involving the book – printing, collecting and reading – as well as such institutions as publishing houses, bookshops and libraries were closely connected with different spheres of social life, especially politics, law and economics. That is why the situation of the Polish book on the eve of the restoration of national independence can be best captured by analysing those ex-

ternal, yet very important, factors. The interrelations of politics and law with the book are best reflected in publishing policies which developed under the influence of censorship, being a form of official examination of materials going to press. After the uprisings in 1830, 1863 and 1905, the partitioners tightened the legislation setting limits on Polish cultural and academic texts. As a result, on the one hand, the number of books officially published in Polish decreased and, on the other hand, the number of those published illegally increased. The most important publishing centres in the 19th century were Warsaw and Vilnius in the territory annexed by Russia, Cracow and Lviv in Austria, and Poznań

in Prussia. In the Polish territories annexed by three partitioners, the control over publications varied (being strictest under Russian rule) and hence the authorities hindered the circulation of printed materials across the borders.

In the 19th century, collecting Polish books and other national mementoes became very popular, which resulted in establishing private libraries rich in valuable manuscripts, incunabula, old and new prints, cartography and other special collections. The biggest of those libraries joined together and were put to public use by establishing new ones whose functioning was legally guaranteed by the foundation act. Such libraries were the Ossolińscy Library and

the Bawarowscy Library in Lviv, the Ordynacja Krasieńskich Library and the Ordynacja Zamojskiej Library in Warsaw, the Działyńscy Library in Kórnik, the Raczyńscy Library in Poznań, and the Ordynacja Przeździeckich Library in Czarny Ostrów in Podolia. Those institutions helped not only to preserve Polish written works, but also to compile Polish bibliography. The most important work compiled at the end of the 19th century was Bibliografia polska by Karol Estreicher (22 volumes released between 1872–1908). When Poland regained its independence in 1918, a lot of enterprises involving the book, which had been started during the period of the Partitions, were continued.

LENKŲ KNYGA NEPRIKLAUSOMYBĖS ATKŪRIMO IŠVAKARĖSE 1918 METAIS: POLITINĖS, KULTŪRINĖS IR TEISINĖS APLINKYBĖS

BOŽENA KOREDCZUK

Santrauka

XIX a. ir XX a. pradžioje Lenkijos teritorijoje, aneksuotoje trijų didžiųjų valstybių, knygos ir periodika lenkų kalba atliko svarbų vaidmenį kuriant ir palaikant tautinius ryšius tarp lenkų, gyvenančių Rusijos, Prūsijos ir Austrijos teritorijose.

Lenkijos padalijimo laikotarpiu visi su knyga susiję procesai – tokie kaip spausdinimas, rinkimas ir skaitymas – taip pat tokios institucijos kaip leidyklos, knygynai ir bibliotekos buvo artimai susiję su įvairiomis socialinio gyvenimo sritimis, ypač su politika, teise ir ekonomika. Dėl to lenkiškos knygos situacija tautinės nepriklausomybės atkūrimo išvakarėse geriausiai matoma analizuojant šiuos svarbius išorinius veiksnius. Politikos ir teisės santykius su knyga atskleidžia leidybos politika, kuri išsirutuliojo veikiant cen-

zūrai, oficialiai tikrinusiai visą spaudai skiriamą medžiagą. Po 1830, 1863 ir 1905 metų sukilimų visos valstybės okupantės sugriežtino įstatymus, ribojančius lenkų kultūrinius ir akademinis tekstus. Dėl to sumažėjo oficialiai Lenkijoje leidžiamų knygų skaičius, bet padaugėjo nelegaliai leidžiamų leidinių. Svarbiausi devynioliktojo amžiaus leidybos centrai buvo Varšuvoje ir Vilniuje Rusijos aneksuotoje teritorijoje, Krokuvoje ir Lvove Austrijos aneksuotoje teritorijoje ir Poznanėje (Prūsija). Skirtingų valstybių aneksuotose Lenkijos teritorijose leidinių kontrolė nebuvo vienoda (griežčiausiai vykdoma Rusijos valdomose žemėse), todėl valdžia siekė sutrukdyti spaudinių cirkuliaciją per sienas.

XIX a. labai populiariu tapo rinkti lenkiškas knygas ir kitus tautinius suvenyrus. Dėl to su-

sikūrė privačios bibliotekos, turinčios vertingų rankraščių, inkunabulų, senų ir naujų spaudinių, kartografijos ir kitų specialių rinkinių. Didžiausios tokios bibliotekos buvo sujungtos ir vėliau atvertos viešam naudojimui. Jų veiklą teisiškai garantavo fondacijų įstatymas. Tokios buvo Ossolińskich ir Bawarowskių bibliotekos Lvoje, Krasinських ir Zamojskių bibliotekos Varšuvoje, Działyńskich biblioteka Kurnike, Raczyńskich bi-

blioteka Poznanėje ir Przewdzieckich biblioteka Čarny Ostrove Podolėje. Šios institucijos ne tik padėjo išsaugoti lenkiškai parašytus veikalus, bet ir sukaupti Lenkijos bibliografiją. Svarbiausią darbą XIX amžiaus pabaigoje parengė Karolis Estreicheris (1872–1908 metais buvo išleisti 22 tomai). Kai Lenkija atgavo nepriklausomybę, 1918 m. daugelis knyginkystės įmonių, įkurtų padalijimų laikotarpiu, tęsė savo veiklą.

Įteikta 2009 m. sausio mėn.